

Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа.

(Воспоминанія о путешествіи по Кавказу въ 1894 г.).

Н. М. Альбова *).

Мм. Гг. Вашъ предсѣдатель просилъ меня разсказать нѣсколько эпизодовъ изъ моихъ путешествій по Кавказу въ теченіе лѣта 1894 г. По правдѣ сказать, эта просьба поставила меня въ затруднительное положеніе. Могутъ ли мои экскурсіи въ горахъ западнаго Закавказья, изъ которыхъ самыя высокія едва достигаютъ 3500—3600 метровъ, представлять какой-либо интересъ для отважныхъ туристовъ, привыкшихъ взбираться на самыя высокія вершины Альпъ? Къ тому же я, будучи скорѣе ботаникомъ, чѣмъ альпинистомъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ ограничивался лишь тою областью, которая находится ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ. Естественно, что эта зона горныхъ пастбищъ интересовала меня больше, чѣмъ поясъ ледниковъ и голыхъ скалъ.

Впрочемъ, эти мѣста, болѣе скромныя, чѣмъ та страна, къ которой направлены стремленія вашего клуба, имѣютъ свою прелесть. Благодаря отчасти своей изолированности, которая для страстного путешественника является весьма сильнымъ магнитомъ. Наконецъ, единственная въ своемъ родѣ природа западнаго Закавказья, такъ мало похожая на природу Швейцаріи, и въ особенности условія путешествія, совершенно отличающіяся отъ существующихъ въ Альпахъ, быть можетъ, представлять для васъ нѣкоторый интересъ.

* Сообщение сдѣланное, покойнымъ Н. М. Альбовымъ въ Женевѣ, въ Альпійскомъ клубѣ, на французскомъ языкѣ.

Въ теченіе лѣта 1894 г. я побывалъ почти во всѣхъ уголкахъ западнаго Закавказья. Я посѣтилъ землю черкесовъ, Абхазію, Мингрелію. Я заканчивалъ тогда изслѣдованіе этихъ мѣстъ въ ботаническомъ отношеніи, производившееся мною въ продолженіе семи лѣтъ. Изъ всѣхъ этихъ своихъ экскурсій, представляющихъ интересъ главнымъ образомъ для ботаника, я буду говорить только о тѣхъ, которыя я предпринималъ въ Черноморскомъ округѣ. Быть можетъ, на всемъ Кавказѣ не найдется уголка менѣе извѣстнаго и менѣе изслѣдованнаго, чѣмъ южная часть этого округа. Обширная территорія, нѣкогда заселенная воинственнымъ народомъ — черкесами, всего только 30 лѣтъ какъ перешла, послѣ ожесточенной борьбы, подъ власть Россіи. Побѣжденнымъ было предложено одно изъ двухъ: или подчиниться и сдѣлаться русскими подданными, или уходить на всѣ четыре стороны. Гордый народъ, высоко цѣнившій свою свободу, предпочелъ послѣднее и въ цѣломъ составѣ, до послѣдняго человѣка, эмигрировалъ въ Турцію. Мѣстность велѣдствіе этого ухода сдѣлалась пустынною. Векорѣ, правда, явились новые поселенцы, выходцы изъ всѣхъ странъ Свѣта: армяне, греки, финны, русскіе, нѣмцы и т. д. Изъ этихъ элементовъ русское правительство думаетъ создать новое населеніе въ округѣ. Но эти колонисты, привыкшіе къ другому образу жизни, чѣмъ черкесы, поселились только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, весьма удаленныхъ отъ берега моря; а вся остальная часть округа, высокія долины рѣкъ, нѣкогда кишѣвшія народомъ, остались незапятами и остаются таковыми и до сихъ поръ; кромѣ того, всякій путешественникъ, который пожелалъ бы проникнуть вглубь страны, очутился бы въ очень затруднительномъ положеніи велѣдствіе недостатка въ проводникахъ, знакомыхъ съ горными тропинками; тропинки же эти за 30 лѣтъ, протекшихъ со времени завоеванія, успѣли облитися или совершенно зарастить непроходимымъ лѣсомъ. Путешествовать одному нѣтъ никакой возможности. Карты Главнаго штаба приносятъ небольшую пользу, такъ какъ онѣ относятся ко времени завоеванія края; что касается новыхъ картъ, основанныхъ на позднѣйшихъ съемкахъ, то онѣ стали издаваться только въ самые послѣдніе годы.

Все это объясняетъ, почему изслѣдователи, пеходившіе въ послѣднее время Кавказъ во всѣхъ направленіяхъ, оставляли въ сторонѣ Черноморскій округъ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, по-

сѣтили сѣверную часть этой мѣстности, гдѣ населеніе гуще и горы не такъ высоки, но южная часть, почти необитаемая, съ своими грандіозными горами, остается до сихъ поръ совершенно неизлѣдованною. А между тѣмъ ея высокія горныя цѣпи, изъ которыхъ нѣкоторыя не уступаютъ по высотѣ Главному Кавказскому хребту. навѣрно, полны глубокаго интереса. Меня въ особенности сильно занимала одна горная цѣпь въ южной части округа, невысокая, но замѣчательная во многихъ отношеніяхъ и вся состоящая изъ известковыхъ породъ.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы краткѣ познать васъ съ топографіей этой мѣстности.

Южная часть Черноморскаго округа орошается двумя рѣками или, лучше сказать, двумя главными горными потоками, которые берутъ свое начало въ главномъ Кавказскомъ хребтѣ или на его контрафорсахъ и черезъ узкія ущелья яростно несутся къ морю; эти рѣки называются *Мзымта* и *Псеу*. Первая изъ нихъ беретъ свое начало въ одной изъ вершинъ главнаго хребта; вторая—въ боковой цѣпи, сосѣдней первой рѣкѣ. Въ верховьяхъ эти рѣки слѣдуютъ по продольнымъ долинамъ, параллельно главному хребту. Эти долины раздѣлены одна отъ другой высокою горною цѣпью, превосходящею по высотѣ даже главный хребетъ, и въ сѣверной части носящей названіе *Аюмга*, а въ южной *Адзигуко*. Кромѣ того, между верхнею долиною Псеу и Чернымъ моремъ тянется длинный известковый кряжъ, по имени *Ахажча-Кициржа*, непосредственно переходящій въ горы Абхазіи. На этотъ послѣдній я въ особенности желалъ бы обратить ваше вниманіе.

Онъ представляетъ совершенное подобіе Юры, по крайней мѣрѣ въ той ея части, которая видна со стороны Женева, и имѣетъ почти ту же высоту. Высокая долина Псеу, лежащая между нимъ и *Аюмга-Адзигуко*, извѣстна подъ именемъ *Аюби*. Тутъ нѣкогда жилъ разбойничій народецъ абхазскаго племени, нашедшій нынѣ себѣ убѣжище въ Турціи. Въ настоящее время эта мѣстность совершенно пустыня.

Проникнуть въ горы со стороны сосѣдней долины Аюби было постоянно моею мечтой, и я нѣсколько разъ пробовалъ пройти къ нимъ со стороны Абхазіи. По всѣ мои попытки были безуспѣшны, вслѣдствіе недостатка въ хорошихъ проводникахъ. Наконецъ, въ этомъ году я рѣшился возобновить свое предпріятіе безъ провод-

ника, рассчитывая только на собственные силы. Задумано-сдѣлано. Первою станціей на моемъ пути долженъ былъ служить вышеупомянутый известковый крижъ Ахахча, который находится отъ берега Чернаго моря въ какихъ-нибудь 15—20 километрахъ.

Въ армянской деревушкѣ, расположенной у подошвы этой горы, я подрядилъ для пути трехъ человекъ и нанялъ вьючную лошадь; снарядивъ такимъ образомъ свою экспедицію, я двинулся въ путь. Вы скажете: какія же могутъ быть трудности взобраться на гору, которая поднимается прямо надъ равниной, да, кромѣ того, относительно и невысока (въ своей наивысшей точкѣ едва достигаетъ 2700 метр.)? То, что я вамъ сейчасъ расскажу, убѣдитъ васъ, что это вовсе не такъ-то легко. Дѣло въ томъ, что вся эта гора, отъ самой вершины, совершенно покрыта самымъ густымъ, дѣвственнымъ лѣсомъ, черезъ который такъ же трудно пролагать себѣ путь, какъ въ какомъ-нибудь тропическомъ лѣсу.

Представьте себѣ непроходимую чащу всякого рода густолиственныхъ деревьевъ: дубъ, грабъ, букъ, каштанъ, смоковница, курма и т. д.; перемѣшанныя между собой, тѣсно прижатые другъ къ другу, отвоевывающія взаимно каждую пядь земли, они перевиты сверху до низу разными лианами и ползучими растеніями: *Sarsaparilla*, *Dioscorea* и т. д.; длинныя и гибкія, какъ веревки, эти растенія перекидываются съ дерева на дерево, опутываютъ ихъ, какъ нитями, затѣмъ падаютъ на землю колючими лентами и при малѣйшемъ вашемъ движеніи дѣпляются за платье. Эти паразиты иногда такъ густо окутываютъ деревья, что изъ-за нихъ невозможно различить породу дерева: изъ послѣдняго получается лишь безформенная масса зелени. За лѣсомъ тянется точно такая же густая заросль колючихъ кустарниковъ: *Ruscus*, *Cotoneaster* и т. д., опутанная ползучею ежевикой съ твердыми иглами.

Можно себѣ представить, до какой степени затрудняетъ путь такая чаща. Мои люди, не переставая, работали топоромъ и кинжаломъ, рубя направо и налево лианы, и все-таки мы подвигались впередъ съ трудомъ. Какъ велико было наше удовольствіе, когда, на высотѣ около 1000 метровъ, кончилась, наконецъ, эта дьявольская чаща и лѣсъ сталъ рѣже и свѣтлѣе. Но тутъ насъ ожидали новыя трудности: внезапно подъемъ сдѣлался крайне крутъ и почва каменистою, а поэтому и очень трудною для нашей лошади. Затѣмъ потянулись безкончныя заросли лавровишни и пон-

тійскаго рододендрона, которыя подобно стѣнѣ преграждали намъ дорогу. Мы принуждены были вновь прибѣгнуть къ топору и возобновить ожесточенную борьбу съ лѣсомъ. Но вотъ, наконецъ, пройдена высшая граница деревьевъ и достигнута альпійская зона: всеѣмъ нашимъ злоключеніямъ, казалось, наступилъ конецъ. Увы!

Н. М. Альбовъ.

Едва только мы ступили ногой на альпійскія пастбища, какъ встрѣтились съ еще большими трудностями. Дѣло въ томъ, что Ахахча, ужъ 30 лѣтъ не посѣщаемая никѣмъ, покрылась самыми тучными пастбищами, какія только можно себѣ представить. Трава достигаетъ метра и даже болѣе высоты. Мѣстами лугъ покрытъ исключительно новымъ видомъ Geum съ оранжевыми цвѣтами (*Geum speciosum*). Нѣтъ никакой возможности отыскать дорогу въ этомъ

настоящемъ травяномъ лѣсу. Итти наудачу, ощупью, весьма неприятно и даже опасно: каждую секунду рискуешь выввинуть себѣ ногу, такъ какъ гребень хребта состоитъ изъ безчисленныхъ обломковъ известковыхъ глыбъ, полныхъ трещинъ и глубокихъ впадинъ; и все это скрыто подъ густою травой. Притомъ ни одной капли воды на всемъ протяженіи хребта. Не предвидя этого послѣдняго обстоятельства, мы не запаслись водой и были жестоко наказаны за свою непредусмотрительность. Ветрѣча, послѣ нѣсколькихъ шаговъ по лугу, съ большимъ стадомъ сернь, убѣдила насъ въ полномъ отсутствіи человѣка въ этихъ мѣстахъ. Эти животныя нисколько не думали спастись бѣгствомъ и съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, какъ бы спрашивая: кто это осмѣлился проникнуть въ ихъ владѣнія, въ которыхъ онѣ во всю ихъ жизнь видѣли только подобныхъ себѣ? Намъ не стоило никакого труда, съ перваго же выстрѣла, убить одну серну. Къ сожалѣнію мы не могли ею воспользоваться, такъ какъ у насъ не было дровъ, чтобы изжарить ея мясо.

Мы принуждены были остановиться на ночлегъ тамъ, гдѣ застала насъ ночь, среди открытаго луга, безъ всякой защиты на случай ненастной погоды. Какъ нарочно, ночью пошелъ проливной дождь и промочилъ насъ до костей; къ счастью, онъ пощадилъ мои коллекціи, завернутыя въ клеенку (не имѣя палатки, я всегда беру съ собою два или три куска клеенки, которая служитъ мнѣ для защиты моихъ вещей). Однако, дождю этому суждено было избавить насъ отъ мучительной жажды: и дѣйствительно, на другой день мы отыскали въ расщелинахъ скалъ дождевую воду, которою мы и должны были удовольствоваться за неимѣніемъ лучшей.

Но вотъ погода прояснилась, и мы направились далѣе вдоль хребта; вскорѣ мы нашли тропинку, которая насъ привела, наконецъ, къ ключу, источнику рѣки Лаши (притокъ Псеу). Отсюда мы шли по довольно замѣтной тропинкѣ. Такимъ образомъ намъ удалось пройти Ахахчу-Кицирху по всему ея протяженію. Дойдя до конца, мы очутились въ виду горы Хагъ, значительнаго горнаго узла, связаннаго контрафорсами съ одной стороны съ горами Абхазіи, а съ другой—съ Адзитуко и источниками Мзымты. Мы попытались было взобраться на эту красивую гору, но безъ успѣха, такъ какъ склоны ея очень круты, а мѣстами почти вертикальны. И хотѣлъ итти далѣе до горы Адзитуко, но мои армяне энергично воспротивились этому, одинъ оправдываясь болѣзнию, другіе усталостью.

Пришлось отказаться отъ своего проекта и вернуться по тому же пути, оставивъ до другого раза изслѣдованіе этихъ горъ, несмотря на ихъ близость. Такъ окончилась моя первая экскурсія въ Черноморскомъ округѣ. Она подтвердила мои предположенія о совершенномъ невѣдѣніи, въ которомъ мы находимся насчетъ флоры этого края, такъ какъ я въ эту экскурсію собралъ цѣлую коллекцію новыхъ или очень рѣдкихъ видовъ.

Убѣдившись, что безъ хорошихъ проводниковъ я не могу достигнуть успѣховъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, и потерявъ всякую надежду найти ихъ въ Черноморскомъ округѣ, я рѣшилъ предпринять новую экспедицію со стороны Абхазіи, съ проводниками изъ абхазцевъ, самыми лучшими, по моему, во всемъ западномъ Закавказьѣ.

Страстный любитель бивуачной жизни, охоты и горныхъ приключеній, почти всякій абхазецъ проводитъ нѣсколько лѣтъ своей жизни въ горахъ въ качествѣ пастуха или охотника. Я часто встрѣчалъ въ обществѣ пастуховъ далеко въ горахъ, совершенно маленькихъ ребятъ едва 6—7 лѣтъ отъ роду. Привыкши съ дѣтства къ горной жизни, абхазецъ умѣетъ какъ бы по инстинкту всюду находить дорогу въ горахъ. Онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣнимымъ товарищемъ; онъ услужливъ, ловокъ, всегда умѣетъ найти удобное мѣсто для ночлега, развести большой костеръ даже подъ дождемъ, отыскать воду и т. д. Нѣтъ ничего легче, какъ найти спутниковъ въ абхазской деревнѣ; почти всѣ готовы сопровождать васъ, особенно, если вы хорошо платите. Но, напротивъ, очень трудно найти настоящихъ проводниковъ. Большинство добродушныхъ жителей, которые выдаютъ себя за таковыхъ, на самомъ дѣлѣ только хвастуны, хотя, въ общемъ, и хорошіе малые. Подъ вліяніемъ перспективы прогуляться въ горы и въ то же время заработать нѣсколько копеекъ, они прибѣгаютъ къ этой невинной лжи, рассчитывая всегда дойти до цѣли съ помощью разспросовъ у пастуховъ или охотниковъ, а то и просто полагаясь на собственный инстинктъ. Но если имъ не встрѣтился никто, кто могъ бы дать указанія, или если собственное чутье ихъ обманетъ, то тѣмъ хуже; они способны тогда заявить вамъ среди дороги, что не желаютъ итти дальше, и преспокойно возвращаются домой. Подобный случай былъ со мною два раза. И это не результатъ злой ихъ воли, а просто слѣдствіе ихъ примитивнаго взгляда на вещи; эти люди, истинные дѣти своей дикой страны, дѣйствительно, не

понимають, что такое обязательство. Необходимо поэтому быть крайне осторожнымъ въ выборѣ проводниковъ. Прежде чѣмъ нанять кого-нибудь изъ нихъ, слѣдуетъ тщательно вывѣдать все, что онъ знаетъ, и навести справки насчетъ его достоинствъ. Самое лучшее, это—познакомиться въ той мѣстности съ кѣмъ-нибудь, къ кому вы можете питать полное довѣріе и кто могъ бы найти вамъ нужныхъ для экскурсіи людей.

Такимъ полезнымъ другомъ былъ для меня нѣкій Туга Моакба, земледѣлецъ, изъ самой дальней, въ данной мѣстности, деревни. Онъ сопровождалъ меня въ теченіе двухъ лѣтъ въ моихъ путешествіяхъ по Абхазіи, и я не могу достаточно нахвалиться его достоинствами, какъ проводника, и его хорошимъ характеромъ. Уже пожилкой, но богатырски сложенный, еще бодрый и дѣятельный, съ доброю улыбкой ребенка, онъ былъ очень пріятнымъ компаньономъ, съ которымъ легко было коротать трудные часы путешествія. Останавливаясь у него проѣздомъ, я всегда находилъ въ его домѣ сердечный пріемъ и самое широкое гостепрѣимство. Туга былъ отцомъ нѣсколькихъ дочерей, восхитительныхъ дѣвушекъ, настоящихъ черкесскихъ красавицъ съ большими черными миндалевидными глазами и длинными шелковыми рѣсницами. Вся эта молодежь радостно бросалась мнѣ навстрѣчу, зная хорошо, что я привезъ конфетъ и для каждой маленькій подарокъ.

Какой восхитительный уголокъ у этого Туги! Чистенькій домикъ изъ досокъ, съ террасой во дворъ, въ которомъ тѣснится нѣсколько гигантскихъ орѣховыхъ деревьевъ; предъ домомъ садикъ, гдѣ яблони и груши растутъ безъ всякаго ухода вперемежку съ лѣсными породами—смоковницей, курмой; ихъ обвиваетъ виноградъ, черныя кисти котораго свѣшиваются съ вѣтвей на подобіе драгоценныхъ серегъ. Справа и слѣва тянутся плантаціи кукурузы—цѣлый лѣсъ высокой широколиственной зелени; гранаты протягиваютъ вдоль изгороди свои огненно-красныя плоды. Далѣе виднѣются хижины сосѣдей, сплетенныя изъ вѣтвей рододендрона, покрытыя камышомъ или папоротникомъ и окруженныя большими традиціонными орѣхами. Во дворѣ, близъ дома Туги, также виднѣется нѣсколько подобныхъ хижинъ—вы сказали бы плетенку,—изъ которыхъ одна служить кухней, другая амбаромъ, третья хлѣвомъ. За домомъ начинается лѣсъ, дремучій дѣвственный лѣсъ, который тянется до самой горы, покрывая весь ея склонъ.

Поздоровавшись, я затѣмъ объясняю цѣль своего прихода Тугъ, который охотно соглашается меня сопровождать, несмотря на ожидающую его дома работу. По правдѣ сказать, онъ не знаетъ горъ Черноморскаго округа, но берется найти болѣе свѣдущихъ людей, и, дѣйствительно, на другой день я вижу, какъ въ его домъ приходятъ туземцы въ сопровожденіи толпы зѣвакъ, привлеченныхъ любопытствомъ. Тотчасъ же начинаются переговоры.

Н. М. Альбовъ въ экскурсіи по Кавказу съ проводниками абхазами.

Итъ ничего труднѣе, какъ договорить людей или нанять лошадей въ Абхазіи: отчаянные болтуны, безпечные, незнающіе цѣны времени, нерѣшительные, добрые абхазцы сильно испытываютъ ваше терпѣніе. Переговоры могутъ длиться по нѣскольку часовъ безъ всякаго результата. Иногда дѣло кажется ужъ слаженнымъ, какъ вдругъ, изъ-за какого нибудь самаго ничтожнаго повода, они берутъ свое слово назадъ. Важные совѣтники, которые присутствуютъ при этихъ переговорахъ, часто являются виновниками этихъ недоразумѣній. Точно такъ было и на этотъ разъ. Я считалъ уже

переговоры оконченными—мои абхазцы были готовы меня сопровождать, — какъ вдругъ, посовѣтовавшись съ окружающими, они заломили съ меня такую цѣну, такую неслыханную въ этихъ краяхъ цѣну, что я былъ вынужденъ прекратить съ ними всякіе разговоры. Возбѣшенный своею неудачей, браня своего хозяина за подобную рекомендацію, я тотчасъ же его покинулъ и отправился въ другую деревню, надѣясь быть тамъ счастливѣе. Въ деревнѣ Калдахвара, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Бзыбъ (одна изъ главныхъ рѣкъ Абхазіи), близъ границы Черноморскаго округа, я сразу нашелъ то, что было нужно мнѣ. Это были Домей Бирцицъ и Урусъ Чагуа, настоящіе горные волки, проведеніе въ горахъ почти половину своей жизни. На видъ немного дикіе въ своихъ лохмотьяхъ, съ длинными всклокоченными бородами, съ своими большими наивными глазами, но веселые, довольно любезные и очень подвижные, — они мнѣ сразу понравились. Ихъ условія были очень скромны, и мы договорились въ двѣ минуты. Они помогли мнѣ найти по близости осленка для перевозки багажа.

На закатѣ солнца пришелъ изъ своей деревни Туга-Моахба, тоже желая мнѣ сопутствовать. Затѣмъ на другой день очень рано всѣ сошлись въ одномъ мѣстѣ, и мы могли двинуться въ путь. Вотъ каковъ былъ планъ нашей экскурсіи: перейти горы, которыя возвышаются по ту сторону рѣки Бзыбъ, дойти до границы бывшихъ черкесскихъ поселеній, слѣдовать пограничными цѣпями и добраться до горы Адзитуко, внушительнаго массива, высотой въ 3500 метровъ, служащаго водораздѣломъ между источниками Псеу и Мзымты; затѣмъ по источникамъ Мзымты и абхазскимъ горамъ спуститься къ Сухуму. Все это разстояніе, около 200 километровъ, мы думали пройти въ 15—16 дней. Это не очень много, но если принять во вниманіе, что мы должны были проходить по заброшеннымъ мѣстамъ, гдѣ мы рисковали не встрѣтить живой души, то наше предпріятіе оказывалось не изъ легкихъ.

Было великолѣпное, солнечное, ярко-сіяющее утро, когда мы покинули Калдахвару. Чуденъ былъ видъ деревни, если такъ можно назвать отдѣльныя усадьбы, разбросанныя въ беспорядкѣ вдоль холмовъ на пространствѣ около 25 километровъ въ квадратѣ, окруженныя плантаціями кукурузы и садами, вперемежку съ настоящими лѣсами. Въ деревнѣ все уже давно проснулось. Съ плантаціей доносился шумъ тоха (желѣзное орудіе, вродѣ лопаты, для уни-

чтоженія сорной травы и въ то же время для разрыхленія земли). Сквозь полупросвѣчивающія стѣны хижинъ - плетенокъ проходилъ голубоватый дымъ отъ очаговъ, на которомъ готовился завтракъ. Всѣ деревенскіе звуки весело доносились до моихъ ушей: вызывающее пѣніе пѣтуха, лѣнивый лай собакъ, голоса людей, перекликающихся вдали, бляеніе козъ, маленькое стадо которыхъ гналъ намъ навстрѣчу полунагой мальчишка, гордый въ своихъ лохмотьяхъ, съ большими, черными, глубокими глазами. На дорогѣ, близъ источника, мы встрѣтили неподвижную, какъ статуя, молодую абхазку съ кувшиномъ на головѣ. Легкая и стройная, съ черными, какъ смоль, волосами, повязанными небольшимъ платкомъ, съ роскошными бровями, удивительными глазами, гордо подбоченившись своею свободною рукой, она, казалось, застыла въ своей классической позѣ. Когда мы, приблизившись къ ней, произнесли свое утреннее привѣтствіе „ши-ши-бзе“ (доброе утро), она, не поднимая своихъ длинныхъ шелковыхъ рѣсницъ, отвѣчала намъ: „бзела-абыдъ“ (здравствуйте), и мы продолжали свой путь. Внизу, у подошвы зеленыхъ холмовъ, стремительно катилъ свои пѣнистыя волны большой горный потокъ Бзыбъ, торопливо направляясь къ морю. Мы переправились съ помощью паромъ и затѣмъ стали взбираться на высоты, поднимающіяся по другую сторону рѣчки. Эти высоты, господствуя надъ Бзыбомъ, образуютъ громадный известковый массивъ пространствомъ около 25 километровъ. На немъ, какъ на гигантскомъ пьедесталѣ, возвышается цѣлый лабиринтъ скалистыхъ вершинъ въ 3,000 метровъ вышины, изборожденныхъ дикими ущельями, въ которыхъ скопившійся за зиму снѣгъ сохраняется все лѣто. Двѣ дороги идутъ черезъ этотъ массивъ: одна, достигнувъ почти 2,600 метровъ высоты, проходитъ вдоль всего сѣверо-западнаго его склона до самаго контрафорса, который, отдѣляясь отъ массива, связываетъ его съ горами земли черкесовъ. Другая дорога слѣдуетъ по массиву во всю его длину, проходя по самому гребню. Первая называется у абхазцевъ „ача-дамъ“, т. е. ослиною дорогой, такъ какъ она доступна для этихъ животныхъ; вторая „ашенеумъ“, что значитъ дорога пѣшеходовъ. Имѣя съ собою вьючное животное, мы выбрали конечно, первую.

Медленно карабкались мы со своимъ осленкомъ по совершенно обнаженному известковому скату, который солнце начинало жечь всюю силой своихъ лучей. Какою великою радостью было для насъ,

утомленныхъ сильною жарой, встрѣтить рощицу тѣнистыхъ каштановъ, которые на подобіе оазиса поднимались среди печальнаго и пустыннаго склона и подъ которыми мы сдѣлали привалъ. Совѣмъ близко около насъ вырвался изъ скалы великолѣпный ключъ ледяной воды. Это была послѣдняя вода на нашемъ пути: въ продолженіи слѣдующихъ трехъ дней мы ея больше не видали. Ночь насъ застала въ древнемъ лѣсу изъ гигантскихъ пихтъ (роскошная *Abies Nordmanniana* вашихъ парковъ и садовъ). Выбравъ изъ этихъ деревьевъ самое удобное для защиты на случай ненастной погоды, мы расположились подъ этимъ природнымъ шатромъ. Мои проводники тотчасъ же создаютъ великолѣпный костеръ, который они поддерживаютъ смолистыми вѣтвями пихты. Толкнувъ ногой осленка, мы предоставляемъ ему пастись тамъ, гдѣ ему кажется лучше. Затѣмъ приступаемъ къ приготовленію обѣда. Чайникъ—вѣрный и незамѣнимый товарищъ моихъ путешествій—уже весело кипитъ на яркомъ огнѣ; въ другой посудѣ варится нѣчто вродѣ каши или, лучше сказать, похлебка изъ воды и кукурузной муки. Въ продолженіе двухъ недѣль эти два блюда: чай съ черствымъ хлѣбомъ да „абыста“ (абхазское названіе кукурузной похлебки), съ прибавкой куска соленаго туземнаго сыра и нѣсколькихъ сырыхъ луковицъ, будутъ составлять нашу неизмѣнную утреннюю и вечернюю ѣду. Въ исключительныхъ случаяхъ, послѣ особенно трудно проведеннаго дня, будетъ раздаваться всѣмъ по небольшому количеству водки. И какимъ питательнымъ кажется намъ этотъ скудный обѣдъ, такъ какъ усталость и голодъ заставляютъ насъ не быть требовательными. Подъ гостепріимнымъ покровомъ испанской пихты, близъ разгорѣшагося огня, который весело пылаетъ и трещитъ, мы чувствуемъ себя какъ дома. Въ то время, какъ весь лѣсъ кругомъ погрузился въ глубокій мракъ и кажется зловѣщимъ и полнымъ таинственности, въ нашемъ уголкѣ свѣтло и тепло. Пламя костра, мѣняясь и колеблясь, рѣзко освѣщаетъ деревья, придавая имъ фантастическія очертанія. Вѣтви пихтъ, склоняющихся надъ нами и съ которыхъ падаетъ длинными сѣрыми лентами бородачатый лишай (*Usula barbata*), кажутся намъ мохнатыми лапами какого-то необыкновеннаго чудовища. Съ наступленіемъ ночи лѣсъ наполняется таинственными звуками. Чу! Какъ разъ надъ нами раздается пронзительный крикъ филина. У-гу! отвѣчаетъ ему вдали изъ нѣдръ

лѣса зловѣщій и мрачный, какъ изъ могилы, голосъ совы. У-гу! отвѣчаю я, подражая ей; въ теченіе моей шестилѣтней бивуачной жизни я привыкъ къ этимъ унылымъ ночнымъ звукамъ, которые являются настоящимъ пугаломъ для новичковъ. Расположившись поудобѣе вокругъ огня, мы съ наслажденіемъ упиваемся чаемъ и покуриваемъ трубки. Мои болтливые абхазцы, не умѣющіе молчать ни одной минуты, рассказываютъ, какъ былъ, разныя фантастическія исторіи, приключенія въ горахъ, на охотѣ и т. п., или распѣваютъ вполголоса дикія и наивныя мелодіи своей родины. Затѣмъ вѣки наши тяжелѣютъ и напоминаютъ намъ объ укрѣпляющемъ снѣ. Мои проводники устраиваютъ мнѣ роскошное ложе изъ вѣтвей папоротника. Завернувшись въ свою просторную бурку я бросаюсь на эту импровизированную постель и моментально засыпаю.

На разсвѣтѣ насъ будитъ рѣзкій холодъ, и съ наступленіемъ дня мы трогаемся. Въ полдень небольшая остановка на одинъ или два часа и скудный завтракъ изъ черстваго хлѣба, размоченнаго въ водѣ. Ужъ поздній вечеръ, а мы все идемъ, чтобы остановиться въ мѣстѣ, заранѣе намѣченномъ проводниками. Такъ проходитъ у насъ всякій день.

Наконецъ, достигнувъ горныхъ пастбищъ, мы начали взбираться на известковый массивъ, поднимавшій передъ нами свои бѣлыя скалистыя вершины. Путь нашъ проходилъ по унылымъ лугамъ, выщипаннымъ стадами и сожженнымъ солнцемъ (это былъ конецъ августа, т. е. осень въ горахъ). Вслѣдствіе недостатка въ водѣ мы были принуждены замѣнять ее снѣгомъ, который мои отважные абхазцы умудрялись доставать со дна очень глубокой пропасти, истиннаго ада, доступнаго предверія лишь для дьявола или абхаца. Тропинка была впрочемъ довольно удобна и мы къ слѣдующему дню могли безъ особеннаго труда подняться на высоту 600 метровъ и начать свой спускъ по сѣверо-западному склону. Съ наступленіемъ ночи мы отыскивали воду и съ тѣхъ поръ не имѣли въ ней недостатка.

Теперь намъ предстояло итти вдоль сѣверо-западнаго склона въ продолженіи нѣсколькихъ дней, держась постоянного направленія къ сѣверу. Что вамъ сказать объ этой части нашего пути? Въ теченіе 6 лѣтъ моихъ кавказскихъ экекурсіей я рѣдко видалъ болѣе дикія и грандіозныя мѣста, болѣе головокружительныя до-

роги. Наша тропинка то поднималась на почти отвѣсные известковые утесы, то быстро сбѣгала по склону, покрытому обломками скаль, которые, ускользая изъ-подъ ногъ, угрожали намъ серьезною опасностью. Нашъ осленокъ — нужно отдать ему справедливость — героически совершалъ эти восхожденія и спуски. Мы принуждены были только одинъ разъ облегчить его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва примѣтная тропинка висѣла надъ зіяющею бездною, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, надъ нашими головами воздвигалась стѣна отвѣсныхъ скаль въ 300 метровъ вышины и больше. За то какая богатая и разнообразная флора покрывала эти дикія и мрачныя мѣста, способныя служить прекрасною иллюстраціей для Дантова Ада! Все, что есть особеннаго, рѣдкаго, новаго во флорѣ известняковъ западнаго Закавказья, было сконцентрировано здѣсь какъ бы для того, чтобы богатѣйшею ботаническою добычей вознаграждать меня за всѣ мои усилія и утомленія въ этомъ пути! Роскошная *Betonica nivea* съ длинными и очень узкими листьями, сибѣжно-бѣлыми снизу, и съ большими желтыми цвѣтами; *Amphoricarpus elegans* — красивая композиція серебристо-бѣлыхъ листьевъ; граціозная *Scutellaria pontica* съ прекрасными розовыми цвѣтами; новые виды *Chaerophyllum*, *Bupleurum*, *Pyrethrum* и т. д., и т. д., украшали на каждомъ шагѣ известковыя скалы, превращая ихъ въ настоящій цвѣтущій садъ. Въ одномъ мѣстѣ, на отвѣсной известковой стѣнѣ, въ нѣсколькихъ метрахъ подъ дорогой, я вдругъ замѣтилъ большое лиловое пятно, — какое-то растеніе въ полномъ цвѣту. Хотя я не могъ рассмотреть его такъ далеко, тѣмъ не менѣе я тотчасъ же рѣшилъ, что это какой-нибудь новый видъ, до такой степени по вышности оно отличалось отъ всей знакомой мнѣ флоры края. Не будучи въ состояніи достать его самъ влѣдствіе большой высоты скалы, я послалъ туда одного изъ моихъ проводниковъ, который босикомъ, съ ловкостью кошки, вскарабкался на стѣну и успѣлъ съ помощью своей палки сорвать желаемое растеніе. Спустя минуту я держалъ въ своихъ рукахъ великолѣпную кампанулу (*Campanula mirabilis Alboff*), подобной которой я еще ни разу не встрѣчалъ: крѣпкій стебель умѣренной толщины, развѣтвляющійся съ основанія, несущій на концахъ своихъ вѣтвей болѣе сотни большихъ цвѣтовъ красиваго блѣдно-лиловаго цвѣта съ пурпуровымъ оттѣнкомъ. Настоящая пирамида изъ цвѣтовъ, начинающаяся прямо отъ грунта. Листья этого растенія самые не-

обыкновенные, — очень твердые, почти пергаментной консистенции и снабжены по краямъ прозрачными маленькими иглами. Какъ необычный видъ, это растение занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ семействѣ колокольчиковыхъ. Оно не напоминаетъ ни одинъ изъ существующихъ видовъ, и это заставляетъ меня думать, что оно остатокъ флоры предшествующей геологической эпохи. Оно было для меня самою цѣною наградою за все то трудное путешествіе, — не говоря уже о весьма законномъ чувствѣ удовлетворенія отъ признанія, что я посѣтилъ мѣста, *въ которыхъ ни разу не ступала нога европейца.*

Вечеромъ, на пятый день нашего пути, мы, наконецъ, достигли первыхъ отроговъ черкесскихъ горъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ болѣе мѣстность дѣлалась дикою и необитаемою. Наша тропинка то шла черезъ дѣвственные лѣса, въ которыхъ царилъ полумракъ и торжественная тишина обширнаго храма, то слѣдовала по роскошнымъ лугамъ, покрытымъ колоссальными зонтичными въ три метра вышины и со стеблемъ въ пять сантиметровъ толщиною. Мои абхазцы, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримеръ, Туга, были ужъ съ просѣдою, набрасывались какъ дѣти на эту траву, чтобы смастерить изъ нея себѣ свирѣли. Во время вечераго привала они занимались пробой этихъ импровизованныхъ инструментовъ, и каждый другъ передъ другомъ старался извлечь лучшей звукъ.

Ни единой живой души во все продолженіе пути!.. Правда, иногда ночью вдали мы замѣчали огни пастуховъ, но это было очень далеко, быть можетъ, въ одномъ или двухъ дняхъ пути!

Въ одинъ прекрасный день проводники мнѣ объявляютъ, съ смущеннымъ видомъ, что провіантъ нашъ на исходѣ и что у нихъ остается только нѣсколько горстей кукурузной муки. Взбѣшенный, я спрашиваю, почему они не запаслись провизіею по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли?

Они, видите ли, надѣялись встрѣтить пастуховъ! Это было, на мой взглядъ, очень плохимъ оправданіемъ, такъ какъ опытъ моихъ путешествій научилъ меня справедливости слѣдующей поговорки: „нужно быть сумасшедшимъ, чтобы рассчитывать на свѣтъ луны или на пастуховъ“. Все равно какъ луна можетъ скрыться за облака, и свѣтлая ночь смѣниться густымъ мракомъ, точно такъ же и абхазскіе пастухи, этотъ бродячій народъ, располагающіяся се-

годня здѣсь, а завтра тамъ, и котораго не всегда и отыщешь, можетъ очень легко не оказать никакой помощи. Всякій путешественникъ въ этихъ краяхъ, всегда и всюду долженъ рассчитывать на самого себя. Теперь я испытывалъ это на себѣ. Что дѣлать? Необходимо было подчиниться печальной дѣйствительности. Я дѣлю собственный провіантъ со своими проводниками, и мы продолжаемъ путь, надѣясь на счастливую встрѣчу съ пастухами.

Судьба намъ благоприятствуетъ. Вскорѣ мы замѣчаемъ совсѣмъ близко отъ насъ голубоватый дымъ, поднимающійся изъ соседняго лѣса, и слышимъ лай собаки: два вѣрныхъ признака присутствія челоуѣка. Мы направляемся туда и черезъ нѣсколько минутъ оказываемся въ веселомъ и шумномъ обществѣ пастуховъ. Послѣдніе встрѣчаютъ насъ тѣмъ болѣе сердечно, что въ проводникахъ они узнаютъ своихъ земляковъ. Нашъ осленокъ также находитъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ товарищей изъ той же деревни и привѣтствуетъ ихъ восторженными звуками. Такимъ образомъ, всѣ довольны. Осленка выгоняютъ пастись въ компаніи его друзей.

Что касается насъ, то мы располагаемся у огня, у котораго намъ приготовлено почетное мѣсто. Абхазскіе пастухи не строятъ себѣ шалашей, у нихъ нѣтъ даже простыхъ палатокъ, и ночи они проводятъ подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ свои бурки. Наше прибытіе обрадовало ихъ тѣмъ болѣе, что они уже два мѣсяца никого не видали. Едва только мы усѣлись вокругъ огня, какъ начался взаимный обмѣнъ новостей съ жестами, восклицаніями, взрывами смѣха. Тутъ были люди всѣхъ возрастовъ, начиная съ согбенныхъ лѣтами старцевъ до мальчиговъ 7—8 лѣтъ. Всѣ они дышали здоровьемъ во всемъ своемъ тѣлѣ, загорѣвшемъ отъ солнца, съ своими живыми веселыми глазами, одѣтые въ неопиуемые лохмотья и маленькія войлочные шляпы конической формы. У каждаго было по длинной палкѣ изъ твердаго дерева кизила (*Cornus mascula*) съ желѣзнымъ наконечникомъ и съ крючкомъ наверху, на который, когда палка воткнута въ землю, навѣшивается ружье. Хозяйство у этихъ пастуховъ очень несложно: четыре кола поддерживаютъ небольшой навѣсъ изъ вѣтвей и паноротника, а подъ нимъ какая-нибудь провизія и посуда. Близъ огня бродили собаки, очень злыя, похожія на волковъ и бросающіяся на насъ при каждой нашей попыткѣ отойти отъ стоянки. Стадо козъ, приведенное только что съ пастбищъ, окружало насъ

со всѣхъ сторонъ. Эти животныя дерзко, безъ всякой церемоніи, приближались къ намъ, карабкались на наши вещи, грызли ихъ, причиняя намъ всякія непріятности даже ночью. Между тѣмъ какъ въ большомъ чугунѣ варится мясо для нашего ужина, пастухи предлагаютъ намъ только-что сдоеннаго молока; затѣмъ мясо готово, и намъ даютъ его такимъ, какъ есть, съ прибавкой кислаго молока и сыру. Абхазскіе пастухи не знаютъ хлѣба, и кукурузная кашница является для нихъ блюдомъ роскоши. Ихъ ежедневная пища состоитъ изъ кислаго молока и свѣжаго сыру; къ этому иногда прибавляютъ мяса серны или козленка. Послѣ плотнаго ужина каждый закуриваетъ свою трубку. Затѣмъ заводится одинъ изъ тѣхъ шуточныхъ и безконечныхъ разговоровъ, на которые такъ падки абхазцы; въ промежуткахъ поютъ или пробуютъ недавно сдѣланныя свирѣли. Далеко за полночь, уже засыпая, я еще слышу взрывы смѣха и дикіе звуки хора...

На другой день утромъ мы прощаемся съ пастухами, которые отказываются отъ всякой платы, и снова трогаемся въ путь.

Теперь мы идемъ вдоль пограничной линіи, отдѣляющей Черноморскій округъ отъ Абхазіи, и съ высоты края, по которому слѣдуемъ, наслаждаемся великолѣпнымъ видомъ на горы этихъ двухъ областей. Гора *Адзитуко*, главная цѣль нашего путешествія, недалеко отъ насъ. Ея грандіозная вершина, вся изъ скалъ, ея сіяющій на солнцѣ ледникъ, — вотъ они, прямо передъ нами. Еще два дня пути, и мы будемъ у ея подошвы. Мы ночуемъ въ ущельѣ, по которому бѣжитъ шумный потокъ, текущій изъ ледника Адзитуко. Мы предполагаемъ, что отсюда возможно взобраться на вершину и изслѣдовать этотъ ледникъ, не обозначенный на картѣ Главнаго штаба. На другой день прекрасная погода, и ничто не мѣшаетъ нашему подъему. Оставивъ свой багажъ внизу, въ долину, мы принимаемся за восхожденіе, безъ труда достигаемъ ледника, пройдя его съ одного конца до другого, приходимъ къ перевалу, откуда видимъ, какъ развертываются передъ нами горы Абхазіи. На скалахъ, господствующихъ подъ этимъ переваломъ, мы замѣчаемъ дикую козу; она спокойно смотритъ на насъ, считая себя въ полной безопасности: вѣдь невозможно, въ самомъ дѣлѣ, думать объ охотѣ на этихъ недоступныхъ утесахъ. Мы все-таки пытаемся взобраться на нихъ, но напрасно. И едва только мы достигли высоты 3.300 метровъ, какъ были застигнуты грозой, одною изъ

тѣхъ грозъ въ горахъ, которая такъ же быстро кончаются, какъ и возникаютъ. Мы находимъ убѣжище подь наклонною скалою, и въ то время, какъ дождь, смѣшанный съ градомъ, льетъ ливнемъ, а громъ оглушаетъ насъ своими ударами, мы преспокойно покуриваемъ свои трубки. Гроза прошла, мы продолжаемъ свой спускъ къ нашей маленькой стоянкѣ въ долину. Въ это восхожденіе я обогатился новымъ видомъ *Anthemis*, собраннымъ на берегу ледника.

Мы держимъ совѣтъ, чтобы рѣшить, куда продолжать нашъ путь, ибо свѣдѣнія моихъ проводниковъ кончаются горой Адзитуко (о чемъ, впрочемъ, они предупредили меня), а я самъ знаю только дорогу къ истокамъ Мзымты, куда я ходилъ четыре года назадъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе. Чтобы достигнуть этихъ истоковъ, нужно перевалить черезъ хребетъ Адзитуко, а не такъ-то легко переправиться черезъ эту стѣну съ выучнымъ животнымъ. Но хочешь не хочешь, а нужно идти впередъ наудачу.

Теперь нѣтъ возможности рассчитать наши ночевки впередъ, и мы принуждены расположиться на ночлегъ тамъ, гдѣ насъ застаесть ночь. Это ужъ—девятая въ нашемъ путешествіи; мы ее проводимъ на обширномъ альпійскомъ лугу, въ долинѣ между двумя высокими вершинами Адзитуко. Съ ледниковъ, нависшихъ подь нею, сбѣгають два шумныхъ потока, которые омывають лугъ съ двухъ сторонъ и затѣмъ, какъ бѣшенныя, бросаются въ глубокое ущелье. Середина луга покрыта постройками мионическихъ Цанновъ, доисторическими развалинами, имѣющими видъ ограды изъ камней въ метръ вышины, и происхожденіе которыхъ абхазская легенда приписываетъ мионческому народу карликовъ (цанновъ или цанлиевъ). Цанны были пастушескимъ народомъ и круглый годъ пребывали въ горахъ. Эти карлики жили въ то счастливое время, когда на землѣ не было ни дождя, ни вѣтра, ни снѣга, ни холода, ни разницы между днемъ и ночью, когда солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ. Цанны питались молокомъ и мясомъ своихъ козъ, которое они ѣли сырымъ, такъ какъ не знали употребленія огня. Но это былъ народъ нечестивый, не вѣрившій даже въ существованіе Бога. Однажды Богъ, разгнѣванный ихъ невѣріемъ, рѣшилъ ихъ наказать. Онъ сперва наслалъ на землю вѣтеръ, нагнавшій огромныя черныя тучи, и изъ этихъ тучъ тотчасъ же начали падать хлопья ваты, быстро покрывшіе густымъ слоемъ горы, населенныя цаннами. Затѣмъ Богъ низринулъ на

землю огонь, который воспламенилъ эту вату и сжегъ цанновъ съ ихъ стадами. Таковъ былъ печальный конецъ этого таинственнаго народа, развалины построекъ котораго, то въ видѣ круговъ, то въ видѣ четырехугольниковъ, встрѣчаются почти всюду на высокихъ горахъ Абхазіи.

Ничего нѣтъ мрачнѣе этихъ почвопокъ на обширныхъ уединенныхъ лугахъ... Чувствуешь себя всеми покинутымъ, совершенно заброшеннымъ... Это чувство особенно овладѣваетъ при пробужденіи, когда, еще не отрѣшившись окончательно отъ сновидѣній, вы созерцаете окружающій васъ печальный и дикій пейзажъ, залитый бѣлымъ свѣтомъ луны.

Мертвящій холодъ, холодъ могилы, исходитъ изъ этихъ сѣрыхъ скалъ, нагроможденныхъ надъ вами съ своими голубоватыми ледниками, которые сіяютъ среди этого полумрака. Ни единого звука кругомъ. Одинъ только шумный потокъ реветъ на днѣ ущелья, убѣгая къ темному лѣсу. Мои проводники спятъ глубокимъ сномъ, завернувшись въ свои бурки, у огня, который вотъ-вотъ потухнетъ. Нашъ бѣдный оселъ тоже спитъ, уставши послѣ труднаго дня. Вся наша маленькая группа кажется заброшенной на этомъ необъятномъ лугу, у подножья исполинскихъ вершинъ. Это—царство неорганической природы, и въ этихъ молчаливыхъ пустыняхъ присутствіе живого существа кажется чѣмъ-то ненормальнымъ и страннымъ... Таинственныя постройки цанновъ, остатки доисторическаго прошлаго, усиливаютъ впечатлѣніе. Чувствуешь себя на громадномъ кладбищѣ, на грани, которая отдѣляетъ настоящее отъ прошедшаго.

День, слѣдовавшій за этою ночью, былъ самымъ критическимъ и труднымъ въ нашемъ путешествіи. Намъ предстояло перевалить черезъ хребетъ Адзитуко, чтобы спуститься въ долину Мзымты, и притомъ безъ всякихъ указаній, идя наудачу по направленію къ гребню по крутому сланцевому склону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы должны были облегчать отъ тяжести нашего осла и вести его съ тысячью предосторожностей по скользкимъ ледникамъ. Послѣ многихъ усилій мы достигаемъ, наконецъ, гребня, гдѣ на высотѣ около 3000 метровъ наслаждаемся великолѣпнымъ видомъ на горы Абхазіи, на далекое море, на чудную долину Мзымты, совершенно прямую, глубокую и покрытую красивыми еловыми лѣсами вперемежку съ богатыми пастбищами; хотя эта долина и обладаетъ всею, что можетъ сдѣлать человѣка счастли-

вымъ: водой, прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, безподобными пастбищами, плодородною почвой, минеральными источниками и даже рудами—свинцовою, цинковою, сурьмяною (открытою мною 4 года назадъ), тѣмъ не менѣе въ ней живутъ только двѣ-три кучки бродячихъ пастуховъ.

А 30 лѣтъ назадъ она кишѣла людьми; тутъ находился цѣлый рядъ селеній, принадлежавшихъ абхазскому народу, очень воинственному, очень хищному, славившемуся особенно своими женщинами, которыя считались первыми красавицами на всемъ Кавказѣ. После завоеванія онъ весь эмигрировалъ въ Турцію.

Мы дѣлаемъ полуденную остановку тотчасъ около гребня, по ту сторону хребта, на зеленой лужайкѣ, усыянной красивымъ крокусомъ золотисто-желтаго цвѣта (*Crocus Shurojani*), и начинаемъ спускаться.

О, этотъ спускъ по лѣстницѣ изъ каменныхъ глыбъ на окраинѣ морены древняго ледника, черезъ груды вѣчнаго снѣга, вдоль бѣшенаго потока, который грозилъ увлечь и наше животное и насъ самихъ! Невозможно его забыть! И только достигнувъ границы лѣса, мы облегченно вздыхаемъ, такъ какъ пройдена самая трудная часть пути. Истоки Мзымты уже недалеко. Однако, мы еще не у цѣли нашихъ трудовъ! Высокій отрогъ горы Адзитуко возвышается предъ нами, преграждая намъ путь. Обогнуть его нѣтъ возможности. Нужно перейти во что бы то ни стало. Выбравъ самый доступный по виду пунктъ хребта, мы поднимаемся въ этомъ направленіи по очень крутому ущелью и послѣ тысячи усилій достигаемъ перевала. Но вообразите себѣ наше отчаяніе, когда мы убѣждаемся, что съ другой стороны гребень срѣзанъ почти отвѣсно. Что дѣлать? Я считаю спускъ невозможнымъ, но мои проводники другого мнѣнія и хотятъ попытаться. Попытаться! Но вѣдь это вопросъ жизни и смерти для нашего бѣднаго осла, который бросаетъ на склонъ недоувѣрчивый взглядъ, двигаетъ своими длинными ушами и... дѣлаетъ рѣшительный вольтъ-фасъ! Но мы не слѣдуемъ его примѣру, такъ какъ не видимъ никакого другого выхода изъ нашего положенія:

Мы беремъ осленка за поводья, разгружаемъ его и, несмотря на сопротивленіе, соединенными силами толкаемъ его впередъ. Бѣдный осленокъ! Когда его втащили на склонъ, и онъ увидѣлъ, что всякое отступленіе для него окончательно отрѣзано, онъ рѣ-

шается итти; наклонившись къ самой землѣ, пользуясь самыми незначительными выступами, чтобъ опереться копытомъ, онъ сходитъ, или, лучше сказать, сползаетъ на животъ и подвигается впередъ медленно и осторожно. Затѣмъ, когда опасный переходъ пройденъ, мы видимъ, какъ онъ прыгаетъ, весь дрожа отъ волненія; изъ нашихъ грудей вылетаетъ вздохъ облегченія, и мы невольно аплодируемъ храброму животному.

Внизу, у подошвы хребта, смотрятъ съ удивленіемъ на этотъ фантастическій спускъ настухи. Мы встрѣчаемся. Послѣ обычнаго привѣтствія: „бзехѣить“ (да будетъ здорово твое животное), на которое они отвѣчаютъ словомъ „бзелаабыидь“ (здравейте), мы становимся ихъ гостями. Готовится блестящій пиръ, которымъ мы хотимъ отпраздновать конецъ нашего путешествія. Жарятъ и варятъ въ изобиліи мясо серны и дикой козы, намоченное въ свѣжемъ молокѣ. Взамѣнъ я предлагаю водки и табаку. Заброшенные въ далекія горы, эти добрые люди чрезвычайно довольны нашимъ прибытіемъ и настойчиво просятъ насъ провести у нихъ еще нѣсколько дней... Мы отклоняемъ это приглашеніе, такъ какъ погода начинаетъ портиться, и запасы наши близки къ концу. Нужно спѣшить вернуться въ Сухумъ.

На другой день мы безъ труда проходимъ черезъ переваль Хехудара по истокамъ Мзымты въ Абхазію и можемъ сдѣлать свой ночной привалъ въ этой области.

Но я не хочу злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и утомлять васъ однообразіемъ своего разсказа. Скажу только, что въ проходѣ Ачавчара (около 1500 м.) мы были застигнуты дурною погодою и, промокнуть весь день подъ проливнымъ дождемъ, всю ночь дрожали подъ ужасными порывами ледяного вѣтра, напрасно стараясь согрѣться около гигантскаго костра.

На другой день утромъ погода прояснилась, позволивъ намъ видѣть всѣ окрестныя горы, покрытыя только что выпавшимъ снѣгомъ, а было лишь 12 сентября.

Еще два дня пути, и, наконецъ, мы добираемся до Сухума, красиваго городка на берегу моря, съ бѣлыми, чистенькими домиками, разбросанными у подошвы зеленыхъ волнистыхъ холмовъ и утопающими въ густой зелени адлей и садовъ, наполненныхъ *Pawlownia*, *Mimosa*, *Gleditchia* или *Eucalyptus*'ами. Съ невыразимымъ удовольствіемъ послѣ шестнадцати тяжелыхъ дней, прове-

денныхъ въ суровыхъ горахъ, мы вдыхаемъ въ себя пріятный и ароматическій морской воздухъ. На морѣ разыгрывается буря, тяжелыя черныя облака заволакиваютъ небо. Но что мнѣ до этого теперь, когда я въ комфортабельной комнатѣ гостиницы, въ безопасности отъ непогоды, могу попивать чай и покуривать трубку. „Любезный Домей, — говорю я своему главному проводнику, — гдѣ мы проведемъ эту ночь, найдемъ ли мы подходящую пихту, кормъ для осла, воды для чая?“ — „Ничего этого не нужно“ — отвѣчаетъ онъ, улыбаясь, и въ этой улыбкѣ можно прочесть чувство удовольствія челоуѣка, который приготовился насладиться вполне заслуженнымъ отдыхомъ.

Перевелъ **В. К. Гиннуловъ.**

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.